

Потапенко Игнатий Николаевич

Отступление

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И26

И26 **Игнатий Николаевич П.**
Отступление: Роман / Потапенко Игнатий Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
114 с.

ISBN 978-5-519-79292-9

ISBN 978-5-519-79292-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Тутъ особенно явственно замѣтила Анна Михайловна неспокойное состояніе сына. Его выдавали глаза; они всегда смотрѣли прямо на того, кого онъ слушалъ, а теперь, когда говорилъ отецъ, Геннадій явственно избѣгалъ смотрѣть на него.

Послѣ обѣда, вечеромъ, Анна Михайловна на минуту зашла въ его комнату и рѣшила-таки сказать ему:

— Завтра у тебя послѣдній экзаменъ, Геннадій, и ты какъ будто не совсѣмъ спокоенъ.

— За экзаменъ я совершенно спокоенъ, мама. Развѣ вы не знаете, что, если Птоломеевъ отвѣтитъ даже на единицу, всѣмъ въ семинаріи будетъ казаться, что его отвѣтъ блещетъ глубокими знаніями?

— А ты все-таки неспокоенъ, Геннадій,—промолвила Анна Михайловна и съ нѣжностью положила ему на плечо свою руку.

— Немножко. Но это къ гомилетикѣ не относится.

— Что нибудь со своей Маріанночкой не голодиль?

— Это было бы невозможно, мама! Съ Маріанной мы—одно.

— Такъ что же, милый Геннадій? Я беспокоюсь.

— Я могу сказать вамъ, мама, только одно: что не обѣщаю вамъ полного спокойствія. Пока это—только мысли, а когда перейдетъ въ дѣло, тогда скажу.

— О, Господи!.. Что же это?

— Ничего дурного, мама, ужъ это то во всякомъ случаѣ.

Анна Михайловна ушла отъ сына съ душой, полной смутныхъ предчувствій. Она не рѣшалась сама себѣ сознаться, что догадывается, почему неспокоенъ Геннадій,—такъ это было бы значительно и важно, но въ сущности мысль, близкая къ правдѣ, шевелилась въ ея головѣ.

Она думала, что причина лежитъ въ Маріаннѣ, дочери о. Григорія Зачаіева, съ которой у Геннадія уже давно былъ романъ. Но она понимала дѣло по-своему: дѣвушка безъ ума любить Геннадія, уже годъ, какъ она кончила школу, не хочется ей ждать четыре-пять лѣтъ, пока онъ кончитъ академію и станетъ самостоятельнымъ.

«На желтомъ фонѣ дороги показалась движущаяся точка. Геннадій всмотрѣлся. Вскорѣ стало ясно, что это—женская фигура». (Ст. 12.)

Вотъ и вліяетъ она, чтобы онъ прямо изъ семинаріи шелъ на приходъ.

Такъ думала она въ связи съ тѣмъ, что иногда высказывалъ Геннадій: онъ не рвался въ академію, его туда не тянуло. Никогда не выражалъ онъ восторга по поводу готовящейся ему „блестящей участи“, дѣйствительно блестящей, съ точки зрѣнія его товарищей и всѣхъ духовныхъ лицъ города.

„Должно быть, это такъ ~~и~~ есть, — думала Анна Михайловна: — подъ вліяніемъ своей Маріаночки онъ хочетъ отказаться отъ академіи и просить у архіерея прихода“.

Въ то утро, наканунѣ послѣдняго экзамена, Геннадій выпелъ изъ дома рано, когда никто изъ домашнихъ еще не выходилъ въ столовую, такъ что некому было спросить его, куда онъ идетъ. Очень можетъ быть, что, если бы тогда увидѣлъ его отецъ и задалъ такой вопросъ, онъ выложилъ бы предъ нимъ все, — таково было у него тогда настроеніе: ясное, прямое, рѣшительное и стойкое. Но этого не случилось и, когда Геннадій уходилъ изъ дома, у него было такое чувство, какъ будто онъ виноватъ предъ этимъ домомъ. Но ничего нельзя было подвѣять: такъ случилось.

Утро было радостное, ясное. Штолмеевъ направился прямо за городъ, шагая бодро. За городомъ, на высокомъ мѣстѣ, было нѣчто вродѣ бульвара, нѣсколько лѣтъ тому назадъ посаженного. Молодые деревья весело зеленѣли своей сѣрой листвою, пестрыя цвѣточные клумбы красивыми узорами сіяли подъ лучами утренняго солнца. У самаго края были поставлены скамейки. Внизу бѣлѣла зеркальная поверхность озера, по ту сторону окаймленного камышами, вербами, березками, а за ними шла безконечная зеленъ долины, до самаго горизонта, гдѣ она сливалась со свѣтлой лазурью неба.

Сюда пришелъ Геннадій раньше девяти часовъ, сѣлъ на скамейку и, устремивъ взгль въ пространство, точно замеръ.

Гуляли здѣсь въ эти часы только случайно забредшіе сюда люди, и такихъ было съ полдесятка. Обыкновенно же горожане высыпали сюда лишь по вечерамъ. Тогда открывалось

кафе въ дальнемъ концѣ бульвара, въ довольно красивой кирпичной постройкѣ, играла музыка и съ дорожекъ, усыпанныхъ гравіемъ, подымалась пыль. Теперь же тутъ былъ чистый, прозрачный утренній воздухъ.

Часто Геннадій оборачивался и смотрѣлъ на широкую, усыпанную желтымъ пескомъ, дорогу, которая вела сюда изъ города, и въ его глазахъ тогда выражалось нетерпѣніе.

Но вотъ онъ поднялся. Еще довольно далеко на желтомъ фонѣ дороги показалась движущаяся точка. Геннадій всмотрѣлся. Точка выросла, вскорѣ стало ясно, что это — женская фигура. Однако онъ все еще не былъ увѣренъ, что это — та, которую онъ ждалъ. Но наступилъ моментъ, когда Геннадій тихонько кивнулъ головой, какъ бы подтверждая это, и быстрыми шагами пошелъ навстрѣчу.

Минуты черезъ три они уже шли рядомъ, вступивъ съ широкой желтой дороги на болѣе узкую аллею бульвара. Шли рядомъ, и у обоихъ лица были сіющія и радостныя.

— Вонъ тамъ моя скамейка, — сказалъ Геннадій, — я на ней сидѣлъ уже съ полчаса. Но я зналъ, что это для тебя слишкомъ рано. Знаешь, Маріанна, я сегодня какъ-то особенно радъ тебѣ... я сказалъ бы: торжественно радъ.

— Ну, ужъ и торжественно! — засмѣялась дѣвушка. — Это просто отъ того, что утро такое.

— Да, и утро... Пожалуй, будь оно пасмурное, я не былъ бы такъ рѣшителенъ.

— Вотъ видишь... я это самое и говорю. Немножко это обидно — зависѣть отъ погоды!

Но, сказавъ это, Маріанна повернула къ нему лицо и съ ласковой боязнью посмотрѣла ему въ глаза: не обидѣлся ли?

Однако Геннадій не замѣтилъ въ ея словахъ того оттѣнка, который могъ бы послужить поводомъ для обиды. Въ такое утро, въ такомъ настроеніи, да еще рядомъ съ милымъ, любимымъ существомъ — можно замѣчать только хорошее.

Когда ихъ видѣли вмѣстѣ, то думали: „Боже? до чего они молоды!.. чуть не дѣти. И, правда, въ обоихъ было еще много дѣтскаго. Геннадій, несмотря на свои двадцать одинъ годъ, носилъ на себѣ отпечатокъ нѣкоторой избалованности и той особой, своего рода аристократической, породистости, которая осталась теперь въ немногихъ духовныхъ семьяхъ.

Птоломеевы изъ рода въ родъ въ теченіе, можетъ быть, полутора вѣка занимали выдающіяся церковныя мѣста въ столицахъ и въ большихъ провинціальныхъ центрахъ, служили по синоду, пользовались достаткомъ, почетомъ и получали высшее образованіе. Въ Геннадіи все это отразилось, какъ въ зеркалѣ, — въ его выдающихся способностяхъ, въ склонности его ума къ развитію, въ нѣжномъ цвѣтѣ кожи, въ тонкихъ, нѣсколько женственныхъ чертахъ лица. Онъ былъ довольно высокаго роста, худощавъ, плечи его казались слишкомъ узкими, а руки — слишкомъ длинными. Въ немъ чувствовалось какъ будто нѣкоторое недоразвитіе. Казалось, что онъ только выросъ не въ мѣру, но еще не сформировался и что это — еще дѣло будущаго. На верхней губѣ его чуть пробивалась темная растительность, а на щекахъ и подбородкѣ ея было такъ мало, что приходилось сбривать ее; чтобы не быть смѣшнымъ.

Маріанна Григорьевна Зачатіева не могла похвастать столь именитыми предками. Зачатіевы были принадлежностью губерніи и изъ ея предѣловъ никогда не выходили. Въ епархіи ихъ

было множество, но всѣ они были разбросаны по селамъ и уѣзднымъ городамъ, большею частью были неудачники и состояли въ низшихъ должностяхъ.

Отецъ Маріанны жилъ въ городѣ безъ прихода. Богослуженіе совершалъ онъ въ домово́й церкви одного богатаго аристократа, который уже много лѣтъ тому назадъ, играя большую роль въ столичныхъ сферахъ, чѣмъ-то былъ обойденъ и, обиженный, удалился сюда и жилъ закрыто, спасая душу и ни съ кѣмъ, кромѣ Бога, не входя въ сношеніе, такъ какъ считалъ, что всѣ здѣшніе ниже его достоинства. Здѣсь Зачатіевъ получалъ прекрасную квартиру и маленькое жалованье. Но кромѣ того специальною его было преподаваніе Закона Божія въ школахъ; онъ считался лучшимъ преподавателемъ, и его время было все занято.

Маріанна была средняго роста, худенькая, легкая, со свѣтлыми вьющимися волосами. Но на лицѣ ея строгаго стиля не было ничего болѣзненнаго, кожа щекъ была окрашена здоровымъ, нѣжнымъ румянцемъ. Всего годъ тому назадъ она кончила епархіальное училище и сейчасъ же засѣла за книги, готовясь куда-нибудь выпе.

Съ Геннадіемъ Птоломеевымъ она была знакома давно, еще въ дѣтствѣ, но лишь настолько, насколько знакомы между собой всѣ семьи городского духовенства. Сближеніе же произошло между ними около года тому назадъ, когда Птоломеевы и Зачатіевы случайно жили лѣто въ одномъ дачномъ поселкѣ, верстахъ въ семи отъ города. Тамъ Геннадій и Маріанна узнали другъ друга и быстро, почти тотчасъ же, открыли другъ другу завѣтныя мысли. Въ результатѣ завязался романъ, который пошелъ такимъ быстрымъ ходомъ, какъ только

и можетъ быть, когда одному — двадцать, а другой восемнадцать лѣтъ. Теперь, хотя это никѣмъ никогда не было объявлено, всѣ смотрѣли на нихъ, какъ на будущихъ супруговъ — разумѣется, въ будущемъ отдаленномъ, такъ какъ Геннадій Птоломеевъ, по общему мнѣнію, еще долженъ былъ трудиться четыре года въ академіи.

II.

— Вотъ моя скамейка. Сядемъ и будемъ дышать утромъ, — сказалъ Геннадій, когда они дошли до прежняго его мѣста. — Ты знаешь, я ужасно боялся, что тебѣ кто нибудь помѣшаетъ придти. Какъ ни стыдно въ этомъ признаться, а я не былъ бы увѣренъ въ своей твердости.

— Это — странная черта въ тебѣ, Геннадій, — замѣтила Маріанна: — какъ можно, рѣшивъ что нибудь безповоротное, чего-то еще бояться? И вѣдь ты — не трусъ во всемъ остальномъ, а вотъ только въ этомъ.

— Да, только въ этомъ. И я сегодня цѣлое утро думалъ объ этомъ. Всталъ рано и тихонько бродилъ по комнатамъ. Иногда нападала твердость, и я рѣшалъ, рискуя даже опоздать сюда, къ тебѣ, дожидаться, пока отецъ выйдетъ въ столовую, и все сказать ему.

— Хорошо было бы это, Геннадій!

— Хорошо, а я этого не сдѣлалъ. Увѣрилъ себя, что нельзя опаздывать сюда, но въ дѣйствительности просто увильнулъ. Видишь ли, отцу ректору легче сказать, а ужъ всѣ остальные, въ томъ числѣ и мои, узнаютъ отъ него.

— Ну, я храбрѣ тебя. Вчера вечеромъ я объявила отцу, что ѣду на курсы.

— Неужели объявила? И что же?

— Даже и не ожидала такого мирнаго исхода. Тетюшка у насъ была, въ гости пришла, такъ она вздумала

было плакать; но отецъ, вмѣсто того чтобы укорить меня, направилъ свои упреки на нее. Знаешь, я даже и не представляла, что онъ можетъ такъ хорошо понять меня! Онъ лишь сказалъ — нѣсколько серьезныхъ словъ по поводу трудности задачи, которую я ставлю себѣ, и о томъ, что, когда человѣкъ, по безсилію, задачи не доводитъ до конца и бросаетъ, то начинается и самъ въ себѣ сомнѣваться, а это надламываетъ жизнь. Потомъ онъ спросилъ: „А куда же? Въ какой городъ поѣдешь? Не очень ужъ далеко бы отъѣзжала. Если-бъ вотъ еще мать твоя была жива, а то Богъ прибралъ ее... Такъ я одинъ. Скучно будетъ, ежели далеко уѣдешь. Вотъ въ Кіевѣ, слыхалъ я, имѣются курсы“. Я сказала: „Буду тамъ, гдѣ будетъ Геннадій“. И вообрази, какой эффектъ! Тетка сейчасъ же плакать перестала, и оба начали улыбаться. Потомъ отецъ высказалъ такую мысль: „Оттого боюсь я задачи, что ты, Маріанна, духовная; съ давнихъ поръ — можетъ, больше ста лѣтъ — всѣ твои предки духовными были, и сама ты, можно сказать, съ пеленокъ и до нынѣшняго часа въ духовномъ быту пребываешь. Такъ вотъ, какъ бы оно не сказало, какъ бы не потянуло назадъ“.

— Это — большая мысль! — воскликнулъ Геннадій! — И я вотъ теперь понимаю, почему я, во всемъ смѣлый, въ этомъ оказываюсь трусомъ. Подумай, какая тысячепудовая громадина лежитъ тамъ, позади, какъ виртуозно вырабатывались всѣ завитушки и извилины духовнаго быта и характера, это самобытное, непохожее ни на какое другое, мировоззрѣніе нашего духовнаго круга!.. И все это тянетъ къ себѣ, требуетъ своего нарушеннаго права, и никогда не проститъ. Вотъ это-то и вселяетъ въ меня робость, это и дѣлаетъ меня трусомъ, и, при-

мо скажу тебѣ, если-бъ я не имѣлъ въ тебѣ поддержки, должно быть, никогда не рѣшился бы. Вотъ почему мнѣ такъ необходимо было сегодня по-видать тебя. Когда я скажу отцу ректору, это будетъ уже безопасно. Назадъ я не пойду. О,—прибавилъ онъ, взглянувъ на часы,—уже начало одиннадцатого! Надо идти.

Они оба поднялись и рѣшительной, быстрой походкой двинулись къ городу. Когда на дорогѣ не было никого, они, не сговариваясь, какъ дѣти, брались за руку, а когда попадались пѣшеходъ, стыдливо разлучались.

До города было минутъ двадцать, а тамъ уже далеко и до зданія семинаріи. Но они простились раньше. Они остановились въ переулкѣ, откуда не видна была семинарія, Маріанна подошла къ Геннадію и посмотрѣла въ глаза такъ, какъ будто мысленно благословляла его, послѣ чего сказала:

— Ну, такъ смотри же!.. А я буду все время дома. Какъ улучишь минутку,—забѣги. Иди впередъ, я поотстану.

Геннадій пошелъ, а она, тихонько подвигаясь впередъ, смотрѣла ему вслѣдъ, и онъ чувствовалъ, что глаза ея держатъ его въ своей власти. На перекресткѣ онъ оглянулся, она улыбнулась ему. Открылось зданіе семинаріи и онъ быстро пошелъ туда.

Войдя въ корридоръ, Геннадій прошелъ въ самый конецъ, гдѣ помѣщался залъ, въ которомъ обыкновенно происходили экзамены, заглянулъ туда, убѣдился, что тамъ еще ничего не началось,—значить, ректоръ у себя, и повернулъ обратно.

Въ классахъ вездѣ происходила зубрежка; сквозь стеклянные двери видны были фигуры семинаристовъ: кто сидѣлъ надъ книгой, низко нагнувшись, кто лежалъ на скамейкѣ, кто нервно шагалъ по классу.

Машинально завернулъ Геннадій въ свой классъ. Здѣсь онъ засталъ почти всѣхъ богослововъ, жившихъ въ семинарскомъ корпусѣ. Ихъ было восемнадцать, и всѣ уже вполнѣ великовозрастные, многіе съ усами и бородками, съ длинными волосами, совершенно готовые для принятія рясы. Большинство ничего не дѣлало.

Въ одномъ углу, за партой, группа человекъ въ шесть внимательно слѣдила за игрой въ шахматы, въ другомъ углу кто-то тихонько бренькалъ на гитарѣ. Завтрашній экзаменъ никого не страшилъ. Во-первыхъ, онъ былъ послѣдній,—какъ нибудь пропустятъ, не станутъ же рѣзать въ самомъ дѣлѣ, а во-вторыхъ, самъ предметъ—гомилетика, искусство произносить проповѣди—не считается серьезнымъ.

Только одинъ Владыченскій, блѣднолицый, худощавый, узкогрудый юноша, сидѣлъ за первой партой и, подперши голову ладонями да, кажется, закрывъ ими и уши, чтобъ не слышать шума, весь углубился въ учебникъ.

Геннадій поздоровался съ товарищами, смотрѣвшими теперь на него снизу вверхъ, какъ на избранника, который подыметъ на высшую ступеньку и современемъ будетъ по отношенію къ нимъ начальствомъ, затѣмъ подошелъ къ Владыченскому и, такъ какъ тотъ даже не замѣтилъ его появленія, осторожно прикоснулся къ его рукѣ, говоря:

— Владыченскій...

Тотъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на него смутными глазами.

— А? Что такое? Здравствуй!

— Мнѣ нужно бы сказать тебѣ пару словъ. Выйдемъ!

Тотъ неохотно поднялся и вышелъ изъ-за парты. Онъ былъ лучший ученикъ и былъ бы несомнѣнно первымъ, если бы не Птоломеевъ. Между ними

было громадное различіе. Птоломеевъ былъ способный, съ яснымъ, сознательнымъ умомъ, развитой, все воспринимавшій легко и какъ-то широко. Владыченскій былъ труженикъ, надсаживавшій грудь надъ учебниками. Онъ былъ не глупъ, а просто не имѣлъ времени и возможности развить свой умъ посторонними познаніями; такъ какъ выросъ въ простой, хотя и обезпеченной, семьѣ сельскаго батюшки, а въ школѣ всю душу положилъ на то, чтобы идти впереди другихъ. Его мечтой была академія, за которой рисовалась жизнь ввидѣ щедрой награды за всѣ труды. Онъ зналъ, что на казенный счетъ ему никоимъ образомъ не попасть туда, такъ какъ отъ семинаріи ежегодно посылали только одного. Птоломеевъ стоялъ ему на дороге, и онъ признавалъ всѣ его преимущества, завидовалъ ему; но не злобствовалъ, и все равно рѣшилъ поѣхать въ академію на свой счетъ.

Они вышли въ корридоръ.

— Слушай, Владыченскій, я хочу сказать тебѣ пріятное, — промолвилъ Птоломеевъ. — Видишь ли, я вотъ сейчасъ пойду къ отцу ректору и скажу, чтобы меня не назначали въ академію... Ты понимаешь?

Но Владыченскій не понималъ, просто органически не понималъ, какъ это человѣкъ можетъ просить, чтобы его лишили такого счастья.

— Какъ же не... не назначали? — спросилъ онъ, растерянно хлопая вѣками.

— Такъ, Владыченскій, потому что я не поѣду въ академію, и, значить, тебя пошлютъ на казенный счетъ. Ну, я вижу, ты обалдѣлъ. Извини, братъ, мнѣ надо торопиться, чтобы застать ректора дома, — и онъ оставилъ товарища въ корридорѣ, а самъ быстро пошелъ въ квартиру ректора, помѣшавшуюся въ главномъ фасадномъ зданіи.

Владыченскій дѣйствительно обалдѣлъ. Оторванный отъ учебника и еще не вполне овладѣвшій своимъ вниманіемъ, онъ въ эти минуты и на обыкновенное сообщеніе едва ли былъ способенъ достаточно живо реагировать. А Птоломеевъ сообщилъ ему нѣчто, почти невѣроятное. То, что онъ сказалъ ему, было мечтой его жизни, оправданіемъ его чрезвычайныхъ трудовъ. Ему слѣдовало бы безумно радоваться и прыгать, но онъ не могъ повѣрить невѣроятному, что человѣкъ добровольно отказывается отъ поѣздки въ академію на казенный счетъ. Онъ лично не отказался бы отъ этого ни при какихъ условіяхъ. Вернувшись въ классъ, Владыченскій уже не могъ засѣсть за свою гониметрику. Мысли его были спутаны, и всѣмъ, кто смотрѣлъ на него, было очевидно, что онъ переживаетъ что-то, для него необычайное.

Одинъ изъ товарищей, Макетовъ, близкій къ нему, хотя и очень далекій по научнымъ успѣхамъ, добродушный лѣнтяй съ довольно густыми уже усами и изрядной темной бородкой, человѣкъ, нетерпѣливо ждавшій „воли и прихода“, запасшійся уже невѣстой, подошелъ къ нему и спросилъ:

— Ты что это, Владыченскій, словно получилъ извѣстіе о внезапной кончинѣ всѣхъ своихъ сродниковъ? Такой у тебя видъ...

— Развѣ? — спросилъ Владыченскій. — А между тѣмъ совершенно наоборотъ.

— Что наоборотъ? Сродники удвоились въ количествѣ, что ли? И эту пріятную новость сообщилъ тебѣ Птоломеевъ?

— Птоломеевъ сообщилъ мнѣ нѣчто невѣроятное: будто онъ отказывается отъ поѣздки въ академію.

— Да что ты? Птоломеевъ? Геннадій? Да съ какой же это стати?

— Не объяснилъ, а сказалъ, что опѣшить къ отцу ректору отказываться, и дѣйствительно побѣжалъ туда.

— Вотъ чудеса! Господа, — громко возгласилъ Макетовъ, обращаясь ко всему классу, но Владыченскій дернулъ его за рукавъ:

— Погоди, Макетовъ, можетъ быть, это — его секретъ.

— Да какой же секретъ, если онъ уже пошелъ къ ректору? Господа, новость: нашъ великолѣпный Птоломей пошелъ къ ректору отказываться отъ академіи.

Шахматисты бросили игру, всѣ повскакали съ мѣстъ и окружили Владыченскаго. Началось обсужденіе. Новость ужасно заинтересовала выпускныхъ богослововъ. Многие сомнѣвались, но были такіе, которые знали давнишніе планы Птоломеева и сообщили теперь объ этомъ товарищамъ. Скоро извѣстіе распространилось и по другимъ классамъ и вездѣ обсуждалось.

А Геннадій Птоломеевъ между тѣмъ вышелъ изъ корридора и поднялся по чугунной лѣстницѣ во второй этажъ, къ квартирѣ ректора.

Протоіерей Виталій Манускриптовъ былъ человѣкъ не столько ученый, сколько мудрый, и, благодаря этой мудрости, онъ, не имѣя даже докторской степени, кое какъ добившись лишь магистерства, выдвинулся на педагогическомъ поприщѣ, и, будучи сравнительно еще не старымъ человѣкомъ — лѣтъ сорока восьми, имѣлъ уже множество наградъ и поощреній и занималъ спокойное, почетное, вліятельное и хорошо оплачиваемое мѣсто ректора семинаріи. Онъ обладалъ замѣчательными организаторскими способностями и распорядительностью, умѣлъ ладить съ людьми, нравился всѣмъ артіереймъ, которые часто мѣнялись, внушалъ довѣріе преподавателямъ, а съ

воспитанниками умѣлъ такъ обращаться, что семинаристы считали его своимъ защитникомъ и никогда не подымали исторій, а слушались его внушеній, хотя, разумеется, защитникомъ онъ былъ только своимъ собственнымъ и работалъ исключительно для себя, ради сохраненія своего прекраснаго положенія.

Птоломеевъ бывалъ у него въ домѣ, не какъ семинаристъ, а какъ сынъ о. Василия. Они были знакомы семьями: и сестра Геннадія, семнадцатилѣтняя Сима, учившаяся не въ епархіальномъ училищѣ, а въ гимназіи, въ послѣднемъ классѣ, была товаркой и подругой дочери отца ректора.

Геннадій позвонилъ, горничная узнала его и, какъ знакомаго, пригласила въ гостиную.

— Я не въ гости, — сказалъ ей Геннадій, — а къ отцу ректору по дѣлу. Такъ и скажите ему!

Горничная отправилась съ докладомъ, и черезъ минуту Геннадія попросили въ кабинетъ.

Ректоръ былъ еще въ подрясникѣ. Его молоджавое и дышащее здоровьемъ лицо, обрамленное окладистой бородой, съ привѣтливой улыбкой повернулось къ гостю. Потому онъ поднялся — средняго роста, но такой стройный и симметричный, что казался высокимъ, и произнесъ:

— А, Геннадій Васильевичъ! Всегда пріятно! Но почему же по дѣлу? Какое нынче дѣло? Садитесь же! Какъ о. Василій? Матушка ваша Анна Михайловна, сестрицы?

— Благодарю васъ, отецъ ректоръ, всѣ здоровы, — сказалъ Геннадій, взявшись за спинку предложеннаго ему стула, и, къ ужасу и стыду своему, почувствовалъ, что твердость, съ которою онъ шелъ сюда, какъ будто покидаетъ его.

Да, такъ всегда дѣйствовалъ на не-

го ректоръ. У него были такіе ясныя, довѣрчивыя и располагавшіе къ довѣрію глаза. Геннадій зналъ, что это довѣріе далеко не всегда оправдывалось, но все же это дѣйствовало и на этомъ, можетъ быть, былъ основанъ секретъ всегда хорошихъ отношеній Манускриптова съ семинаристами.

Даже рука Геннадія, державшая кресло, чуть-чуть дрожала. Вотъ когда ему нужна была Маріанна, ея присутствіе, хотя бы безмолвное, ея подкрѣпляющій взглядъ, и онъ вызвалъ ее своимъ воображеніемъ; ему представилась она дружески улыбающейся, какъ тогда, въ переулкѣ, и онъ ободрившись сѣлъ. Ректоръ тоже опустился на прежнее мѣсто.

— Я пришелъ къ вамъ, отецъ ректоръ, по своему личному дѣлу,—заговорилъ Геннадій, а ректоръ, видѣвшій, какъ поблѣднѣли его щеки и самъ онъ взволнованъ, недоумѣвалъ, какое такое можетъ быть личное дѣло.

— Ну-те, ну-те, говорите, слушаю васъ внимательно,—сказалъ онъ.

— По личному дѣлу чрезвычайной важности. Вотъ завтра нашему классу послѣдній экзаменъ и будетъ засѣданіе правленія. Такъ вотъ... я...

Геннадій почувствовалъ, что слова какъ будто не въ его мозгу. Разомъ представились ему всѣ великіе надежды, которыя возлагались на него, и та непоколебимая общая увѣренность, и то колоссальное впечатлѣніе, какое произведетъ его заявленіе, и ему показалось, что тутъ можетъ случиться что-то страшное, вродѣ столкновенія двухъ планетъ.

Вслѣдствіе этого онъ собралъ воедино всѣ свои силы, чтобы вызвать изъ своего сознанія потребныя ему слова, и старался произнести ихъ какъ можно скорѣе:

— Такъ вотъ я... чтобы излишне...

не затруднять... прошу... заявляю вамъ, отецъ ректоръ... что я... отъ академіи отказываюсь.

Сказавъ это, Геннадій почувствовалъ, что огромная ноша упала съ его плечъ, и ему стало совсѣмъ легко. Словно тяжелый камень, который мѣшалъ ему, раздражалъ его, удалось спихнуть въ пропасть и ужъ оттуда не поднять его никакими усиліями: слово сказано и кончено, все, что будетъ теперь, несущественно, неважно. Разспросы—знаетъ ли отецъ, угрозы, увѣщанія, приведеніе доводовъ о преимуществахъ и академіи и пр., и пр.—это уже они какъ тамъ себѣ хотятъ, онъ все равно назадъ не пойдетъ. Трудно было взобраться на гору, а удержаться на ней онъ сумѣетъ.

Ректоръ дѣйствительно съ того началъ, знаетъ ли и какъ относится къ рѣшенію Геннадія о. Василій. И отвѣтъ получилъ странный и совсѣмъ неожиданный:

— Нѣтъ, не знаетъ. Ему я не рѣшился сказать. Мнѣ помѣшало большое уваженіе къ нему. Я боялся, что ему будетъ очень тяжело услышать это отъ меня, и возложить надежду на васъ, отецъ ректоръ.

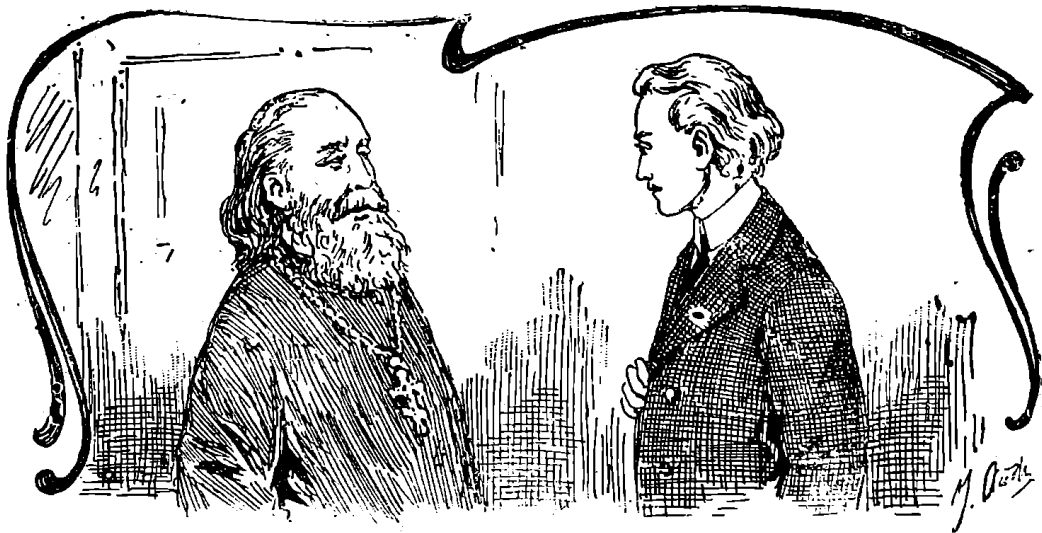
— На меня? Да какъ же это? Мнѣ самому болѣе чѣмъ тяжело. Мнѣ больно, Геннадій Васильевичъ... и всѣмъ намъ будетъ больно.

— И все-таки, отецъ ректоръ,—уже толково и почти спокойно произнесъ Геннадій,—я уповаю, что вы сумѣете сообщить моему отцу такъ, что онъ приметъ съ наименьшимъ оторченіемъ.

— Благодаренъ вамъ за большое довѣріе, но... Боже мой, какіе же причины?

— Пойду въ университетъ.

— Ну, понятно, я такъ и думалъ. Вамъ съ вашими способностями не остановиться же на полудорогѣ. Но

«—Я пришелъ къ вамъ, отецъ ректоръ, по своему личному дѣлу,—заговорилъ Геннадій». (Ст. 23.)

чѣмъ же, скажите, университетъ лучше академіи?

— Другая область знаній интересуетъ меня. Въ академіи я не найду такой широкой постановки, такого горизонта... Съ этимъ вы должны согласиться, о. ректоръ; какъ и съ тѣмъ, что человѣкъ долженъ слѣдовать своему призванію, иначе онъ всю жизнь будетъ мученикомъ своей ошибки.

— Да, вотъ, мученикъ ошибки. А что, если вы именно и дѣлаете ошибку? Вы такъ молоды, Птоломеевъ.

— Я не думаю, отецъ ректоръ. Внутреннее влеченіе есть лучший показатель истиннаго пути. Но если я ошибаюсь, то за ошибку самъ и заплачу. Въдь если бы я послѣдовалъ мнѣнію другихъ, было бы хуже, ибо тогда эта ошибка лежала бы у нихъ на совѣсти.

Все это Геннадій говорилъ теперь безъ смущенія, даже почти безъ волненія. Обычная краска вернулась къ его щекамъ, руки болѣе не дрожали.

Ректоръ видѣлъ, что все это серьезно и обдуманно, и, какъ опытный психологъ, понялъ, что сейчасъ пря-

мыми путями убѣдить молодого человѣка ему не удастся. Ему оставалось только условно признать правильность соображеній Геннадія, а въ то же время въ головѣ его сложились планъ дѣйствій. Надо повліять на Геннадія черезъ о. Василия, иного пути нѣтъ. Онъ даже архіерею не доложить, пока не переговоритъ съ о. Василиемъ. Можетъ быть, тотъ знаетъ такіе ходы къ душѣ своего сына, которые облегчатъ ему побѣду.

— А что же вы хотите, чтобы я сказалъ о. Василию, Геннадій Васильевичъ?—спросилъ онъ.

— Въ наиболѣе деликатномъ видѣ вы сумѣете сообщить ему о моемъ отказѣ. Даже не объ отказѣ, а просилъ бы васъ, отецъ ректоръ, ввидѣ особаго одолженія, сообщить такъ, какъ будто я пришелъ къ вамъ именно поговорить, посоветоваться по этому поводу... Хотя вамъ я прямо заявляю, что отказываюсь и не поѣду въ академію. У васъ, отецъ ректоръ, есть достойный и, можетъ быть, болѣе меня заслуживающій академіи; это — Владыченскій.

— Хорошо, хорошо, Птоломеевъ! Я поговорю съ о. Василиемъ, и именно такъ, какъ вы говорите, чтобы не огорчить его. Владыченскій, говорите вы? Да, безъ сомнѣнія, послѣ васъ онъ—единственный возможный кандидатъ.

— Благодарю васъ, отецъ ректоръ, — промолвилъ Геннадій и поднялся.

Нужно было бы взять благословеніе, но о. ректоръ протянулъ ему руку.

Черезъ полминуты Геннадій спускался внизъ по лѣстницѣ, перепрыгивая черезъ ступеньки и забывъ даже надѣть шляпу, которую держалъ въ рукѣ. Его лицо сіяло отъ удовольствія исполненнаго тяжелаго долга.

Онъ быстро направился въ классный корридоръ и влетѣлъ въ свой классъ. Тамъ какъ разъ шли оживленные толки о немъ, его окружили и забросали вопросами: правда ли? да почему? какая причина? и что онъ намѣренъ дѣлать?

Онъ всѣмъ отвѣчалъ:

— Правда, сейчасъ былъ у ректора и отказался, а почему и какъ, все подробно объясню вамъ завтра. Теперь неспокоенъ и тороплюсь ужасно. Завтра приду раньше экзамена.

Онъ пожималъ протягиваемыя ему руки и искалъ глазами Владыченскаго. А тотъ стоялъ въ сторонѣ, около окна, и въ его глазахъ были едва сдерживаемыя слезы радости. Уже нѣкоторые товарищи дружески хлопали его по плечу, кое-кто поздравлялъ.

Птоломеевъ подошелъ къ нему.

— Слушай, Владыченскій: ректоръ сказалъ, что ты—единственный кандидатъ. Да, онъ такъ и сказалъ. Я страшно радъ за тебя. Ты этого достоинъ, гораздо достойнѣе, чѣмъ я.

Онъ схватилъ руку Владыченскаго и крѣпко пожалъ ее, потомъ простился съ товарищами и вышелъ изъ здания семинаріи на улицу.

III.

Широко пагалъ Геннадій, направляясь къ Зачатіевымъ. Его точно толкало что-то сзади, и онъ все ускорялъ темпъ своихъ шаговъ, такъ хотѣлось ему поскорѣе подѣлиться съ Маріанной случившимся. У него было такое ощущеніе, какъ будто онъ совершилъ подвигъ, какого и самъ отъ себя не ожидалъ. Опъ-то конечно ждалъ, но все же до послѣдней минуты, когда произнесъ свое рѣшеніе предъ ректоромъ, томился неуверенностью. Все казалось: вотъ случится что-то непредвидѣнное, не отъ него зависящее, и помѣшаетъ.

Квартира о. Зачатіева была недалеко отъ семинаріи. При ускоренной ходьбѣ отъ Геннадія потребовалось на переходъ къ ней минутъ семь.

Вотъ уже предъ нимъ трехэтажный домъ старинной архитектуры, съ небольшимъ золотымъ куполомъ на крышѣ и двумя подъѣздами, изъ которыхъ одинъ былъ обыкновенный, съ навѣсомъ надъ троттуаромъ, а другой представлялъ монументальную чугунную дверь, которая отпиралась только въ часы богослуженій. Это и была домашняя церковь удалившагося на покой сановника.

Квартира же Зачатіевыхъ была со двора, и Геннадій вошелъ туда знакомой дорогой. Чистый, вымощенный ровными гранитными плитами дворъ, съ красивымъ цвѣтникомъ, съ небольшимъ фонтаномъ посрединѣ, производилъ впечатлѣніе гораздо болѣе пріятное, чѣмъ улица. Лѣстница, по которой Геннадій поднялся во второй этажъ, тоже была гранитная.

Квартира оказалась отпертой, и Геннадій вошелъ безъ звонка. По голосу въ комнатѣ онъ узналъ, что о. Григорій дома, и, войдя въ столовую, убѣдился въ этомъ.